

УДК 821.161.1-94

Я.В. Гуртовая

ТРАНСФОРМАЦИЯ И.С. ТУРНЕВЫМ ФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ОЧЕРКОВ

«Золотой век» русского очерка начинается с 1840-х гг., когда сформировалась и начала активно развиваться «натуральная школа». Писать этнографические очерки призывал В.Г. Белинский. Как известно, «натуральная школа» начала свое существование с «физиологического очерка», составлявшего, особенно на первых порах, основной предмет ее деятельности. Как справедливо писал В.И. Кулешов, «именно очерк оказался самым мобильным жанром беллетристики, с которым школа выходила за рамки внутриворонской тематики» [4, с. 87]. И тематика, и стилистическая структура физиологического очерка была направлена против романтического индивидуализма. Преимущественное внимание авторов сосредотачивается на изображении среды, на обстоятельствах, влияющих на формирование личности. Жизненные условия, воспитание, воздействие окружающих решающим образом влияют на характеристику героев. Если романтиков привлекали личности исключительные, то физиологический очерк изображает именно людей обыкновенных, людей из «толпы», обыденную жизнь представителей разных сословий: предпринимателей, чиновников, ремесленников, продажных женщин и пр.

Физиологические очерки, как правило, лишены тщательно разработанного сюжета, их авторов интересуют в первую очередь социальное положение и профессиональная характеристика героя, для них характерны бытовые зарисовки, воспроизведение деталей обстановки, в которой происходит действие, в языковую ткань широко проникают профессионализмы, становящиеся важным средством характеристики персонажей. Определяющей особенностью физиологических очерков было, как известно, и то, что их авторы сосредоточили преимущественное внимание на жизни «низших слоев» общества, на судьбе, быте и психологии «маленького человека» – на всем том, что прежде считалось едва ли не предосудительным для изображения в литературе. Демократическая направленность, неизменно проявлявшаяся в таких произведениях, нередко сталкивалась с сопротивлением цензуры. Так, например, очерк А.П. Башуцкого «Водовоз» вызвал возражения из-за открыто выраженного в нем сочувствия петербургским чернорабочим, доставлявшим воду на высокие этажи барских домов, и высокомерного отношения «хозяев жизни» к простым честным труженикам.

Физиологический очерк открыл и новые объекты изображения действительности. Но типизацию его авторы, особенно на первых порах, понимали сужено, сосредоточившись на описаниях черт, привычек, образа жизни. Очерк эмпиричен и на глубину художественного анализа не претендует.

В этих произведениях мало действия, т.к. все внимание приковано к «типам». Но эти типы не индивидуализированы, подобно Чацкому, Онегину и Печорину. Все внимание в физиологическом очерке переключено с героя на среду. Его авторов не беспокоило отсутствие динамики действия – им было важно мастерство описания. Построение сюжета также на втором плане – главное, как описан «тип».

Сборнику очерков «Физиология Петербурга», изданному Н.А. Некрасовым, была, как известно, предпослана статья В.Г. Белинского. «Эта статья в нашем литературоведении справедливо рассматривается как один из программных документов натуральной школы, – пишет Б.О. Костелянец. Когда критик говорил: “у нас совсем нет беллетристических произведений, которые бы в форме путешествий, поездок, очерков, рассказов, описаний знакомили с различными частями беспредельной и разнообразной России”, но все эти задачи он ставил не перед “беллетристикой” вообще, а в первую очередь перед очерковой литературой» [3, с. 27]. При этом В.Г. Белинский определял круг явлений, предназначенных для изображения в очерке, специфика которого виделась ему в преимущественном внимании к фактам и явлениям обыденной жизни, к «самым обыкновенным и вседневным предметам», но не к «вседневным предметам вообще», а именно к тем, которые придают народу «свою физиономию». К произведениям, в наибольшей мере отвечавшим этим требованиям критика, можно отнести такие физиологические очерки, как «Петербургский дворник» В.И. Даля, «Петербургские шарманщики» Д.В. Григоровича, «Петербургская сторона» Е.Г. Гребенки и в особенности знаменитые «Петербургские углы» Н.А. Некрасова. В этих произведениях наиболее отчетливо проявились такие признаки жанра, как нарочитый отбор темных, грязных, удручающих сторон жизни, тяга к детальным описаниям, нацеленность на разоблачение социальных язв, изображение героя из низов, претерпевающего нужду и унижения и способного вызвать к себе сочувствие и симпатию.

И.С. Тургенев также пишет свои физиологические очерки в это время, однако опираясь на опыт своих предшественников. В силу того, что он, как известно, является мастером психологического анализа, его очерки отличаются от тех, которые создавали его предшественники и современники. Цель данной статьи состоит в том, чтобы показать, как искусно И.С. Тургенев трансформирует этот жанр. Преемственная связь между физиологическим очерком и «Записками охотника» отмечалась исследователями и анализировалась в многочисленных работах об этом цикле. Существует и такая точка зрения, что эта связь наиболее отчетливо проявилась в «Хоре и Калиныче», а на протяжении дальнейшего создания цикла она сходилась на-нет или, по крайней мере, становится менее явной. «Самый рассказ его “Хорь и Калиныч”, – полагал А.Е. Грузинский, – заметно отличается от всех позднейших по манере. Вся суть очерка в характеристиках, ведущихся почти исключительно путем авторских описаний, включены бытовые особенности

края (продажа кос и скупка “орлами”) без всякой связи с содержанием рассказа; эти особенности ставят первую попытку Тургенева в близкую связь с физиологическим очерком своего времени» [2, с. 62].

В романном творчестве писателя, как заметил В.М. Маркович, «обращение автора к читателю свидетельствует о внесюжетном положении повествователя, обозначая в определенные моменты почти физически ощутимую дистанцию между повествователем и персонажами» [5, с. 8]. Такого рода автор-персонаж и возникает в очерке – «Хорь и Калиныч». И.С. Тургенев в духе бытоописательных очерков «натуральной школы» описывает два социальных типа – орловского и калужского мужика. Орловский мужик, который вынужден ходить на барщину и не может заняться торговлей, «невелик ростом, сутуловат, угрюм, глядит исподлобья, живет в дрянных осиновых избах...» [6, т. 3, с. 7]. Крепостное право наложило на него свой грубый, ничем не смягченный отпечаток. От него отличается калужский мужик, живущий на оброке, т.е. обладающий некоторой экономической самостоятельностью. Он «высок ростом, глядит смело и весело, лицом чист и бел, торгует маслом и дегтем и по праздникам ходит в сапогах» [6, т. 3, с. 7]. В очерке дается обобщенная характеристика разных типов русских крестьян в связи с их экономическим положением. Но такую характерную для «физиологии» социологическую классификацию И.С. Тургенев дополняет и иной, психологической, и описывает два психологических типа русского крестьянина – Хоря и Калиныча. Очерку присуща особая повествовательная интонация. Автор-персонаж знакомится с Хорем, который производит на него сильное впечатление. Присутствие авторского «я» в повествовании является отличительной чертой очерка, которая здесь проявляется достаточно ясно.

Развивая мысль предшественника об особенностях тургеневского физиологического очерка, А.Г. Цейтлин в своей известной монографии «Становление реализма в русской литературе» [7] отмечал: «Написав “Хоря и Калиныча”, Тургенев в дальнейшем ограничивает себя жанровыми рамками рассказа» [7, с. 279]. С этим трудно согласиться. А.Г. Цейтлин приводит очень интересный документ, впервые опубликованный в 1923 году А.И. Белецким. Речь идет о списке сюжетов, задуманных писателем будущих физиологических очерков. Ни один из этих замыслов осуществлен не был, и А.Г. Цейтлин дает этому вполне убедительное объяснение: «Для Тургенева физиологический очерк был слишком “сухим” и объективным. Очерк давал слишком мало простора фантазии, лиризму, эмоциональности – всему тому, что было особенно дорого для автора “Фауста” и “Призраков”» [7, с. 281]. Собираательные типы в «Записках охотника» наделены индивидуальными качествами. «У Бирюка, у Касьяна с Красивой мечи уже есть индивидуальная судьба, характер, но в то же время они сохраняют типичность. Тургенев вновь ввел в очерки и фигуру рассказчика – литературное авторское “я” которое имелось раньше в путевых очерках у Новикова, Радищева, Карамзина и исчезло в “физиологиях”» [1, с. 14]. И.С. Тургенев делает и другой значительный шаг

вперед в сравнении с авторами физиологических очерков: он проникает не только в «пласты» русской жизни, но и в ее «оттенки».

Как напоминает Б.О. Костелянец, «еще в одном направлении обогащает Тургенев “физиологический” очерк, преодолевая тем самым его “физиологизм” и предвосхищая лучшие достижения очерковой литературы 60–80-х годов. Он вновь вводит в очерк образ повествователя» [3, с. 35]. К этому точному наблюдению следует добавить, что И.С. Тургенев расширяет и углубляет социальные и психологические характеристики изображаемых им типов. Когда авторы физиологических очерков, включенных в известный сборник «Наши, списанные с натуры», давали им такие названия, как «Водовоз», «Гробовой мастер», «Няня», «Знахарь», «Уральский казак», то уже в самой семантике их заглавий был заложен ключ к их содержанию. Тургеневские названия «Бурмистр» или «Уездный лекарь» содержат совсем иной замысел. За ними кроется гораздо более широкое содержание, вызывающее аналогии скорее со «Станционным смотрителем» А.С. Пушкина, чем с физиологическими очерками. В физиологических очерках Я.П. Буткова, В.И. Даля, И.И. Панаева, Е.Г. Гребенки авторская позиция находит выражение в отборе предметов изображения, в стремлении обнажить противоречия современной действительности, и образ рассказчика в них зачастую вообще отсутствует. И.С. Тургенев возвращает рассказчику надлежащее место в образной структуре произведения, но не для того, чтобы изобразить его впечатления и переживания, как это было в сентиментальных «Путешествиях», а для того, чтобы осветить изображаемое собственным взглядом и ввести его в общественный, социальный контекст.

Как известно, физиологический очерк, разрабатываемый авторами «натуральной школы» и широко представленный в знаменитых альманахах «Физиология Петербурга», «Наши, списанные с натуры», художественно реализовал взгляды лидера натуральной школы В.Г. Белинского, требовавшего изображения «самых обыкновенных и вседневных предметов». Преимущественное внимание авторы физиологических очерков уделяли маленькому человеку, быту и невзгодам существования социальных низов.

Преемственная связь между физиологическим очерком и «Записками охотника» несомненна, но определяется она, на наш взгляд, не наследованием И.С. Тургеневым достижений предшественников, а тем, что он искал ответа на те же вопросы. Сама демократическая ориентация «натуральной школы» была ему очень близкой. И.С. Тургенев не только наследовал поэтику физиологического очерка, но и обновлял и даже трансформировал ее. Трансформирование И.С. Тургенева физиологических очерков заключалось в введении писателя в очерк образа повествователя, усиление в нем психологизма, индивидуализации персонажа.

По пути, проложенному очеркистами «натуральной школы», вскоре двинулась мощная плеяда мастеров слова, продемонстрировавшая, какие большие возможности содержал в себе этот жанр. В 1860–1870-е годы ее

составляли Н.Г. Помяловский, В.А. Слепцов, А.И. Левитов, Ф.М. Решетников и прежде всего М.Е. Салтыков-Щедрин и Г.И. Успенский.

Литература

1. Алексеев В. А. Очерк : [Текст] / В. А. Алексеев. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1973. – 84 с., с. 14.
2. Грузинский А. И.С. Тургенев. Личность и творчество / А. Грузинский. – СПб.: Грань, 1918. –С. 62.
3. Костелянец Б.О. Русские очерки / Б.О. Костелянец // Русские очерки. – М. : Гослитиздат, 1956. – Т. 1. – С. 27, 35.
4. Кулешов В.И. Натуральная школа в русской литературе XIX века / В.И. Кулешов. – М., Просвещение, 1982. – С. 87.
5. Маркович В.М. Человек в романах И. С. Тургенева : [Текст] / В.М. Маркович. – Изд-во Ленинградского ун-та, 1975. – 152 с., с. 8.
6. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. / И.С. Тургенев. – М.; Л. : Изд. АН СССР. – 1960–1968.
7. Цейтлин А.Г. Становление реализма в русской литературе / А.Г. Цейтлин // Русский физиологический очерк. – М.: Наука, 1965. – 320 с., с. 279, 281.

Анотація

Стаття присвячена вивченню трансформації І.С. Тургенєвим жанру фізіологічного нарису. При аналізі нарисів письменника було виявлено, що його фізіологічні нариси істотно відрізняються від традиційних нарисів «натуральної школи». І.С. Тургенєв переосмислює можливості жанру, вводячи авторське «я», розширює і поглиблює соціальні та психологічні характеристики зображуваних їм типів, даючи установку на психологізм та індивідуалізацію своїх персонажів.

Ключові слова: фізіологічний нарис, трансформація, психологізм, аналіз, жанр.

Аннотация

Статья посвящена изучению трансформации И.С. Тургеневым жанра физиологического очерка. При анализе очерков писателя было выявлено, что его физиологические очерки существенно отличаются от традиционных очерков «натуральной школы». И.С. Тургенев переосмысливает возможности жанра, вводя авторское «я», расширяет и углубляет социальные и психологические характеристики изображаемых им типов, давая установку на психологизм и индивидуализацию своих персонажей.

Ключевые слова: физиологический очерк, трансформация, психологизм, анализ, жанр.

Summary

The article is devoted to the studying of I.S. Turgenev's transformation of the genre of physiological essay. In the analysis of the writer's essays it was revealed that his physiological essays significantly differ from traditional essays of «natural school». I.S. Turgenev reinterprets the possibilities of the genre by introducing the author's «I», he expands and deepens the social and psychological characteristics of his depicted characters, making the installation on the psychologism and the individualization of his characters.

Key words: physiological essay, transformation, psychologism, analysis, genre.

УДК 821.161.1-3

В.И. Доценко

БЕТХОВЕН В ТВОРЧЕСКОМ МИРЕ И.С. ТУРГЕНЕВА

Обозначенная заглавием статьи проблема не была еще предметом специального, всестороннего изучения, хотя так или иначе ее касались исследовавшие тему «Тургенев и музыка» [1,2,3,4]. В данной работе предпринята попытка целенаправленного изучения восприятия Тургеньевым музыки Бетховена с учетом всех видов творчества писателя: эпистолярного, художественного, критико-публицистического.

Ценный материал содержат письма Тургеньева, в которых неоднократно упоминается имя Бетховена, дается оценка творчества великого композитора. Особенно часто Тургеньев писал о Бетховене в период ссылки в Спасское (1852 – 1855). В письме к Полине Виардо он сообщает, что ему в его сельском заточении особенно не хватает музыки. Большого труда стоило ему усадить за фортепиано Тютчеву (жену управляющего его имением Н.Н.Тютчева). И она несколько раз со своей сестрой сыграла увертюру к «Кориолану» Бетховена: «Какое великолепное произведение! Я не знаю другой увертюры, которая равнялась бы с этой» (разрядка наша. – В.Д.) [П, II, 400]. Помимо разбора шахматных партий, говорил Тургеньев в письме к С.Т.Аксакову, главное его занятие в ссылке – слушание музыки. Жена Тютчева и ее сестра «много играют в четыре руки. Бетховен, Моцарт, Мендельсон, Вебер – наши любимцы» [П, II, 171]. Когда Тютчевы уехали из Спасского, Тургеньев сетовал, что теперь он не имеет возможности слушать музыку – и прежде всего музыку Бетховена. У Тютчевой, писал Тургеньев, «было много музыкального чувства», и она вместе с сестрою в четыре руки разыгрывали музыку Бетховена, Мендельсона, Глюка, Гайдна [П, II, 188]. В